

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.56.32.009

Цифровизация политической коммуникации в современной России

Залюбовский Кирилл Андреевич

Студент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: lliswm@mail.ru

Головченко Давид Олегович

Студент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: golovchenko17@list.ru

Матвеев Никита Михайлович

Студент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: nikita.matveev2018@gmail.com

Кузьмина Дарья Евгеньевна

Студент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: dasha.kuzmina.2006@list.ru

Кузнецова Екатерина Евгеньевна

Студент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: ekaterina-kuznetsova-2006@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу цифровизации политической коммуникации в современной России. Актуальность темы определяется тем, что цифровая среда изменила каналы взаимодействия государства, политических институтов и общества, а также механизмы формирования повестки, обратной связи и публичной легитимации решений. Цель исследования состоит в выявлении основных направлений трансформации политической

коммуникации под влиянием цифровых технологий и в определении институциональных ограничений данного процесса в российской практике. Методологическую основу работы составляют системный, институциональный и сравнительный подходы, а также анализ нормативных актов и научной литературы. Показано, что цифровизация политической коммуникации в России проявляется через расширение официальных цифровых каналов государства, платформизацию обратной связи, усиление медиатизации политических процессов и изменение роли сетевых площадок в политическом взаимодействии. Сделан вывод о том, что цифровизация повышает оперативность и плотность политической коммуникации, но одновременно усиливает риски асимметрии доступа, технологической зависимости и смещения коммуникации в сторону управляемых платформенных форматов.

Для цитирования в научных исследованиях

Залюбовский К.А., Головченко Д.О., Матвеев Н.М., Кузьмина Д.Е., Кузнецова Е.Е. Цифровизация политической коммуникации в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 3А. С. 44-52. DOI: 10.34670/AR.2026.56.32.009

Ключевые слова

Политическая коммуникация, цифровизация, политические институты, цифровые платформы, обратная связь, современная Россия, медиатизация, электронная демократия.

Введение

Политическая коммуникация в XXI веке все в большей степени определяется воздействием цифровой среды. Электронные платформы, социальные сети, цифровые сервисы публичной власти, онлайн-каналы обратной связи и иные инструменты сетевого взаимодействия изменили не только техническую форму распространения политической информации, но и саму структуру политического процесса. Политические институты, государственные органы, партии, лидеры общественного мнения и граждане оказываются включенными в более плотное, быстрое и многоканальное коммуникативное пространство, где формирование повестки, реакция на события и символическое сопровождение решений происходят в ускоренном режиме [Киняшева, Мурашников, 2024; Castells, 2013].

Для современной России цифровизация политической коммуникации имеет особое значение. С одной стороны, государство последовательно развивает цифровую инфраструктуру управления, расширяет электронные каналы взаимодействия с гражданами и институционализирует цифровые механизмы публичного присутствия органов власти [Указ Президента РФ № 309, 2024; Федеральный закон № 8-ФЗ, 2009; Федеральный закон № 270-ФЗ, 2022]. С другой стороны, цифровая среда изменяет конфигурацию политического участия, повышает значение сетевых платформ в распространении политических смыслов и трансформирует отношения между официальной коммуникацией, медиаповесткой и общественной реакцией [Быков, Курушкин, 2022; Ежов, 2025]. В результате политическая коммуникация уже не может рассматриваться в логике традиционной односторонней передачи информации от института к аудитории.

Актуальность темы усиливается тем, что цифровизация создает не только новые

возможности, но и новые ограничения. Повышение скорости коммуникации не всегда сопровождается ростом ее содержательной симметричности; расширение цифровых каналов не гарантирует равного доступа к политическому высказыванию; формализация обратной связи может сочетаться с ростом платформенной управляемости коммуникативного пространства. Поэтому исследование цифровизации политической коммуникации в современной России требует институционального и политологического анализа, а не сводится к описанию отдельных технологий.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить основные направления цифровизации политической коммуникации в современной России, определить ее институциональные основания и раскрыть ключевые противоречия данного процесса.

Теоретические подходы к исследованию цифровой политической коммуникации

В политической науке политическая коммуникация традиционно рассматривается как процесс производства, передачи, интерпретации и обмена политически значимой информацией между институтами власти, политическими акторами и обществом. В классической модели коммуникация понималась преимущественно как направленный поток сообщений, опосредованный средствами массовой информации и официальными институтами. Однако развитие цифровой среды существенно усложнило данную картину.

М. Кастельс, анализируя сетевое общество, показал, что современная коммуникационная среда характеризуется высокой связанностью и возможностью быстрого распространения смыслов вне жестко централизованных каналов [Castells, 2013]. Политическая коммуникация в этой логике становится распределенной: значимыми акторами оказываются не только государственные институты и традиционные медиа, но и сетевые сообщества, цифровые платформы и пользователи, участвующие в воспроизводстве повестки. Это означает, что цифровизация меняет не только форму политического сообщения, но и конфигурацию коммуникативной власти.

Э. Чедвик, развивая концепцию гибридной медиасистемы, подчеркивает, что современная политическая коммуникация строится на пересечении старых и новых медийных форматов [Chadwick, 2017]. Традиционные каналы политического сообщения не исчезают, но интегрируются с цифровыми платформами, меняя механизмы легитимации, репрезентации и борьбы за внимание аудитории. Для политического процесса это означает рост значения скорости реакции, визуализации, персонализации и возможности непрерывного присутствия политических акторов в публичном пространстве.

В работах Л. Беннетта и А. Сегерберга цифровая среда связывается с ростом персонализированных форм коммуникации и коллективного действия, при которых политическое участие в большей степени опирается на гибкие сетевые связи, чем на жесткие организационные структуры [Bennett, Segerberg, 2013]. Хотя данная модель была выработана на западном материале, она полезна для анализа российской ситуации, поскольку позволяет увидеть, каким образом цифровая среда трансформирует соотношение институционализированных и менее формализованных каналов политического взаимодействия.

С точки зрения институционального анализа важно учитывать, что цифровая коммуникация не существует вне политических рамок и правил. Она развивается в контексте нормативных ограничений, официальных каналов, платформенных инфраструктур и режимов доступа к политически значимой информации. Следовательно, исследование цифровизации

политической коммуникации в России должно учитывать одновременно три плоскости: технологическую, институциональную и символично-политическую.

Институциональные основания цифровизации политической коммуникации в России

Современная российская практика цифровизации политической коммуникации формируется в рамках более широкой повестки цифровой трансформации государства и общества. Национальные цели развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года закрепляют задачи, связанные с цифровой трансформацией государственного и муниципального управления, развитием цифровых сервисов и повышением технологической результативности публичной власти [Указ Президента РФ № 309, 2024]. В этой связи цифровая коммуникация государства с гражданами оказывается встроенной в стратегическую логику модернизации управленческой системы.

Существенную роль играет и нормативная база доступа к информации. Федеральное законодательство об информации и об обеспечении доступа к сведениям о деятельности государственных органов закрепляет принцип открытости и формирует юридические основания для цифрового распространения официальной информации [Федеральный закон № 8-ФЗ, 2009]. Тем самым цифровые каналы публичной власти получают не вспомогательный, а институционально признанный статус.

Особое значение для современной политической коммуникации имеет законодательное закрепление официальных страниц государственных органов и подведомственных организаций в социальных сетях. Изменения 2022 года придали таким цифровым площадкам более определенный правовой статус и способствовали превращению госпабликов в устойчивый инструмент публичного присутствия власти в сетевой среде [Федеральный закон № 270-ФЗ, 2022]. Это означает институционализацию того канала, который ранее во многом развивался как факультативное дополнение к официальным сайтам.

Новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» дополнительно усиливает значение цифровой инфраструктуры, сервисной логики и платформенных решений в государственном управлении [Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»]. Хотя сам по себе этот проект не сводится к политической коммуникации, он создает материальную и организационную основу для расширения цифровых каналов обратной связи, электронного информирования и сопровождения взаимодействия государства с гражданами.

Таким образом, цифровизация политической коммуникации в России развивается не стихийно, а в рамках нормативно и организационно оформленного процесса. Однако институционализация цифровых каналов не устраняет вопроса о содержании коммуникации, ее двусторонности и реальной политической значимости обратной связи.

Основные направления трансформации политической коммуникации

Первым направлением выступает расширение официальных цифровых каналов государства. Если ранее основным инструментом институциональной коммуникации были официальные сайты, пресс-релизы и традиционные медиа, то в настоящее время органы власти

все активнее используют социальные сети, цифровые платформы, онлайн-обращения, публичные электронные сервисы и иные формы сетевого присутствия. В политологическом смысле это означает переход к более постоянной, визуализированной и ритмически ускоренной модели коммуникации, в которой государство стремится быть доступным в тех цифровых средах, где уже находится аудитория.

Вторым направлением является платформизация обратной связи. Цифровая среда позволяет переводить обращения, комментарии, реакции и сигналы недовольства в более формализованные и технологически управляемые каналы. Это создает эффект повышения наблюдаемости общественных настроений и оперативности ответа. Вместе с тем подобная платформизация меняет природу политической коммуникации: она становится более процедурной, структурированной и связанной с инфраструктурой конкретных цифровых решений. Иначе говоря, политическая коммуникация в определенной мере начинает зависеть от архитектуры платформы, алгоритмов маршрутизации сообщений и установленных форматов взаимодействия.

Третьим направлением следует считать усиление медиатизации политических процессов. Политическое сообщение в цифровой среде все чаще адаптируется к логике короткого формата, высокой визуальной насыщенности, персонализированной подачи и непрерывной конкуренции за внимание. Это влияет на стиль публичного присутствия политических акторов, на способы объяснения решений и на сам характер политической повестки. Коммуникация становится менее линейной и более событийной: важным оказывается не только содержание решения, но и скорость его символического сопровождения, реакция на отклик аудитории, способность удерживать внимание и структурировать интерпретации [Chadwick, 2017].

Четвертым направлением является изменение соотношения централизованных и распределенных каналов коммуникации. Сетевые среды потенциально открывают пространство для расширения горизонтальных обсуждений и участия граждан в распространении политической информации. Однако в реальной практике цифровая политическая коммуникация нередко приобретает смешанный характер: наряду с расширением сетевого участия наблюдается укрепление управляемых каналов, через которые официальная позиция получает институционально более устойчивое и регулярно воспроизводимое присутствие. Таким образом, цифровизация не просто децентрализует политическую коммуникацию, а формирует более сложную систему взаимодействия распределенных и централизованных потоков.

Пятым направлением является трансформация символической политики. В цифровой среде усиливается значение визуальных форматов, коротких нарративов, тематических кампаний, быстрой реакции на общественно значимые события и постоянного обновления коммуникативной повестки. Политическая коммуникация становится более тесно связанной с технологиями репрезентации, а символическое сопровождение решений приобретает самостоятельное значение. Это особенно заметно в ситуациях, когда цифровая коммуникация используется не только для информирования, но и для формирования образа открытости, отзывчивости и вовлеченности власти.

Политические эффекты цифровизации коммуникации

Одним из ключевых эффектов цифровизации является повышение плотности политического взаимодействия. Коммуникация между институтами власти и обществом становится более регулярной, а временной разрыв между политическим событием и его

публичной интерпретацией сокращается. Для политического процесса это означает рост значения оперативной реакции, поскольку длительное отсутствие коммуникативного ответа в цифровой среде легко интерпретируется как дефицит внимания или управленческой чувствительности.

Второй эффект связан с усилением наблюдаемости политических настроений. Цифровые площадки позволяют быстрее фиксировать реакции, жалобы, предложения и эмоциональные импульсы аудитории. При этом речь идет не только о расширении эмпирического материала для анализа, но и о трансформации самого механизма политической чувствительности институтов. Государство и иные политические акторы получают возможность чаще и быстрее реагировать на коммуникативные сигналы, хотя степень реального влияния этих сигналов на содержание решений остается самостоятельным вопросом.

Третий эффект заключается в росте значения коммуникационной компетентности политических институтов. В цифровой среде недостаточно просто принять решение; необходимо уметь объяснить его, встроить в актуальную повестку, адаптировать к различным аудиториям и сопровождать в режиме длительного публичного присутствия. Политическая коммуникация становится не приложением к политике, а одной из ее функциональных составляющих.

В то же время цифровизация политической коммуникации не ведет автоматически к симметричному диалогу. Скорее, она формирует новые формы управляемой интерактивности, где коммуникация действительно становится более частой и технологически насыщенной, но не всегда более равной по возможностям влияния. Это требует осторожности в оценке цифровой среды как безусловно демократизирующего фактора.

Ограничения и риски цифровой политической коммуникации

Первое ограничение связано с цифровым неравенством. Хотя цифровые каналы расширяют возможности доступа к политической информации и коммуникации, уровень цифровой включенности различных социальных групп остается неоднородным. Это означает, что цифровизация может усиливать представительство тех аудиторий, которые уже обладают необходимыми компетенциями и ресурсами, и ослаблять голос тех групп, чье присутствие в цифровой среде ограничено.

Второй риск состоит в платформенной зависимости политической коммуникации. Если существенная часть взаимодействия переносится в инфраструктуру цифровых платформ, то сама логика коммуникации начинает зависеть от технологических правил, интерфейсов, алгоритмов видимости и модерации. В политическом отношении это означает, что значимым фактором становится не только содержание сообщения, но и архитектура цифровой среды, в которой оно циркулирует.

Третий риск связан с редукцией политической коммуникации к быстрому реактивному обмену сигналами. Цифровая среда поощряет оперативность и краткость, но не всегда способствует содержательной глубине обсуждения. В результате сложные политические вопросы могут переводиться в упрощенные символические форматы, а стратегические проблемы уступать место тактически более заметным темам, обладающим высоким потенциалом цифрового распространения.

Четвертое ограничение касается соотношения обратной связи и участия. Наличие цифрового канала жалобы, комментария или отклика не тождественно политическому участию

в строгом смысле. Коммуникация может быть технически двусторонней, но политически оставаться асимметричной, если гражданский сигнал влияет преимущественно на скорость реакции, но не на способы выработки решений. Поэтому политологический анализ должен различать цифровую интерактивность и реальную институциональную включенность общества в политический процесс.

Заключение

Цифровизация политической коммуникации в современной России представляет собой сложный и многомерный процесс, в котором сочетаются технологическое обновление каналов взаимодействия, институционализация цифрового присутствия государства, платформизация обратной связи и изменение символической организации политического пространства. В результате политическая коммуникация становится более быстрой, плотной, визуализированной и технологически опосредованной.

Проведенный анализ показывает, что российская модель цифровизации политической коммуникации развивается в условиях усиливающейся нормативной и организационной институционализации цифровых каналов. Официальные цифровые площадки, законодательное закрепление доступа к информации, развитие госплатформ и ориентация на цифровую трансформацию государства формируют устойчивую инфраструктуру политического взаимодействия [Указ Президента РФ № 309, 2024; Федеральный закон № 8-ФЗ, 2009; Федеральный закон № 270-ФЗ, 2022; Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»]. Вместе с тем политическое содержание этой коммуникации определяется не только техническими возможностями, но и характером распределения коммуникативной власти, глубиной обратной связи и степенью реального участия граждан.

Следовательно, цифровизация политической коммуникации не должна оцениваться однозначно. Она действительно расширяет возможности информирования, повышает оперативность реакции и усиливает наблюдаемость общественных сигналов. Однако одновременно она порождает новые риски: платформенную зависимость, асимметрию доступа, упрощение политического сообщения и смещение коммуникации в сторону управляемых форматов. Практическая и научная значимость данной проблематики состоит в том, что дальнейшее развитие цифровой политической коммуникации в России будет зависеть не только от технологического прогресса, но и от того, насколько институционально содержательной, двусторонней и политически значимой останется сама коммуникация.

Библиография

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
2. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».
3. Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и статью 10 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации"».
4. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации.
5. Архипов И. А. Основные измерения цифровизации политической коммуникации в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2025. № 2. С. 8-22.

6. Киняшева Ю. Б., Муращенко В. В. Цифровизация политической коммуникации как фактор развития и обеспечения национальной безопасности России в условиях цифровой трансформации общества // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024. Т. 49. № 2. С. 341-349.
7. Быков И. А., Курушкин С. В. Политическая коммуникация и ее цифровые аспекты на современном этапе // *Управленческое консультирование*. 2022. № 1. С. 50-59.
8. Ежов Д. А. Цифровые технологии в партийном строительстве: опыт современной России // *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025. Т. 15. № 1. С. 95-101.
9. Castells M. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
10. Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. New York: Oxford University Press, 2017.
11. Bennett W. L., Segerberg A. *The Logic of Connective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
12. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity Press, 1992.

Digitalization of Political Communication in Modern Russia

Kirill A. Zalyubovskii

Student,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: lliswm@mail.ru

David O. Golovchenko

Student,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: golovchenko17@list.ru

Nikita M. Matveev

Student,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: nikita.matveev2018@gmail.com

Dar'ya E. Kuz'mina

Student,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: dasha.kuzmina.2006@list.ru

Ekaterina E. Kuznetsova

Student,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: ekaterina-kuznetsova-2006@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the digitalization of political communication in modern Russia. The relevance of the topic is determined by the fact that the digital environment has changed the channels of interaction between the state, political institutions, and society, as well as the mechanisms for agenda-setting, feedback, and public legitimization of decisions. The aim of the study is to identify the main directions of transformation of political communication under the influence of digital technologies and to determine the institutional constraints of this process in Russian practice. The methodological basis of the work consists of systemic, institutional, and comparative approaches, as well as the analysis of normative acts and scientific literature. It is shown that the digitalization of political communication in Russia manifests itself through the expansion of official state digital channels, the platformization of feedback, the strengthening of the mediatization of political processes, and the changing role of online platforms in political interaction. A conclusion is drawn that digitalization increases the efficiency and density of political communication, but at the same time increases the risks of asymmetry of access, technological dependence, and the shift of communication towards managed platform formats.

For citation

Zalyubovskii K.A., Golovchenko D.O., Matveev N.M., Kuz'mina D.E., Kuznetsova E.E. (2026) Tsifrovizatsiya politicheskoy kommunikatsii v sovremennoy Rossii [Digitalization of Political Communication in Modern Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (3A), pp. 44-52. DOI: 10.34670/AR.2026.56.32.009

Keywords

Political communication, digitalization, political institutions, digital platforms, feedback, modern Russia, mediatization, electronic democracy.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024 on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036.
2. Federal Law No. 8-FZ of February 9, 2009 on ensuring access to information on the activities of state bodies and local self-government bodies.
3. Federal Law No. 270-FZ of July 14, 2022 on amendments to the Federal Law on ensuring access to information on the activities of state bodies and local self-government bodies and Article 10 of the Federal Law on ensuring access to information on the activities of courts in the Russian Federation.
4. National Project Data Economy and Digital Transformation of the State // Government of the Russian Federation.
5. Arkhipov I. A. Main dimensions of digitalization of political communication in contemporary Russia // *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2025. No. 2. P. 8-22.
6. Kinyasheva Yu. B., Murashchenkov V. V. Digitalization of political communication as a factor in the development and ensuring national security of Russia under digital transformation of society // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2024. Vol. 49. No. 2. P. 341-349.
7. Bykov I. A., Kurushkin S. V. Political communication and its digital aspects at the present stage // *Administrative Consulting*. 2022. No. 1. P. 50-59.
8. Ezhov D. A. Digital technologies in party building: the experience of modern Russia // *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 95-101.
9. Castells M. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
10. Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. New York: Oxford University Press, 2017.
11. Bennett W. L., Segerberg A. *The Logic of Connective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
12. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity Press, 1992.